Т.Ю. Шведчикова

САНИТАРНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ УЧАСТНИКОВ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ В с. КОЛОЦКОЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2016 г.

В июле 2016 г. в д. Колоцкое (бывшее село Колоцкое) Можайского района Московской области, в непосредственной близости от Успенского Колоцкого женского монастыря, было обнаружено коллективное захоронение участников Бородинского сражения 1812 г. Оно располагалось в 130 м к юго-западу от колокольни монастыря, на границе частного владения (ранее сельский магазин) с придорожной территорией. Часть захоронения была нарушена в результате хозяйственной деятельности владельца участка, но своевременно проведенные работы позволили полностью изучить погребение. Работы были осуществлены сотрудниками ИА РАН в рамках государственного контракта с Министерством культуры РФ (руководители работ кандидат исторических наук Т.Ю. Шведчикова, М.В. Чирков).

Погребение представляло собой прямоугольную яму, ориентированную длинной осью с северо-запада на юго-восток. С четвертого уровня зачистки стало возможным говорить о ее размерах, которые составили 1,7–1,8 х 1,1–1,2 м и глубиной 0,8–0,95 м, юго-восточный угол которой был разрушен современной траншеей.

Территория раскопа первоначально была разбита на квадраты 2 х 2 м. Позднее площадка над ямой была разделена на метровые квадраты, а для сбора костных останков – на 50-сантиметровые. Разбор заполнения осуществлялся пластами (уровнями) от 20 до 5 см. Помимо основных восьми уровней, было зафиксировано три вспомогательных. В ряде случаев, помимо традиционной фото- и графической фиксации, при помощи фотограмметрии были созданы трехмерные изображения

изученного объекта. Площадь погребения была перекрыта современным асфальтовым покрытием, а до третьего уровня зачистки в напластованиях буро-серого суглинка с включением кирпичной крошки были встречены современные артефакты. С четвертого уровня вместе с появлением костных останков стали встречаться фрагменты кирпича и керамических сосудов XVIII–XIX вв., а в заполнении могильной ямы – мелкие фрагменты керамики XIV–XVII вв. (гладкой красноглиняной с редкими включениями мелкого песка и сероглиняной с включениями мелкого и крупного песка). Последние соотносятся с культурным слоем селищ Колоцкое 1 и Колоцкое 2, выделенных С.З. Черновым в непосредственной близости от изученного захоронения.

Столь подробная фиксация и тщательный ручной перебор грунта были обусловлены отчасти высокой концентрацией находок, большую часть которых составляли костяные пуговицы, достаточно плохо различимые визуально в суглинистом заполнении. В общей сложности было выявлено более 700 археологических предметов. Среди находок подавляющее большинство составили мундирные металлические пуговицы 2, 3, 6, 10, 12, 17, 21, 24, 25, 30, 33, 46, 48, 53, 57, 72, 92, 108, 111-го французских полков, а также полка Жозефа Наполеона, 2-го каталонского полка, итальянской Королевской гвардии, 4-го армейского корпуса Е. Богарне. Были обнаружены также крючки и петли-невидимки, три чугунных снаряда артиллерийской картечи, три деформированные свинцовые ружейные пули, фрагменты кожаной обуви. Найдено более двух десятков пуговиц из свинцово-оловянистых сплавов, но сохранность их плохая. Наибольшее число находок было зафиксировано на нижнем уровне и дне ямы.

Первые предположения, высказанные при исследовании комплекса, касались его характера. Он нес все признаки санитарного захоронения после Бородинской битвы 1812 г.: номерные пуговицы принадлежали разным полкам, кости в верхних слоях захоронения имели крайне фрагментарный характер, в них также отмечено присутствие костей животных (три фрагмента). Анализ процесса сложения захоронения показал, что после помещения первых слоев захоронений яма некоторое время оставалась открытой. А находки залеченных переломов и ампутаций конечностей подтвердили наше предположение о том, что это были изначально госпитальные погребения.

Останки были перевезены в лабораторию физической антропологии отдела теории и методики ИА РАН и исследованы по заранее определенному плану. Графические реконструкции облика трех солдат выполнены

сотрудником лаборатории пластической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН А.В. Рассказовой. При сборе антропологического материала был применен особый методический подход, который на стадии лабораторной работы позволяет выйти на уровень индивидуальной идентификации.

В задачи исследования входило получение разносторонней информации о биологических особенностях погребенных, но разрозненный характер захоронения продиктовал формирование корпуса методик с некоторой поправкой на особенности сохранности костного материала. Первоочередной задачей стало именно установление степени его сохранности, так как от этого зависит возможность применения или неприменения методик. Причины надлежащей или ненадлежащей сохранности костной ткани могут заключаться в силе и характере воздействия внешних факторов – особенностей захоронения, организации погребального пространства, присутствия дополнительных веществ, влияющих на разложение. Поэтому вторым этапом работы со скелетированными останками стала оценка степени влияния окружающей среды и действий человека (присутствие извести, следов горения на костях). Была рассмотрена степень комплектности скелетов и нарушения анатомической последовательности, проанализировано погребальное пространство (погребальная яма). Комплексная половозрастная диагностика на основании описания черепа и посткраниального скелета в силу особенности материала была неприменима, поэтому пол и возраст оценен по изолированным наиболее хорошо сохранившимся и представленным элементам скелета. Возрастные интервалы в этом случае были расширены, уточненный возраст с использованием пятилетнего промежутка указывался по возможности. Пол взрослых индивидов определялся согласно традиционным методам антропологии с учетом развития морфологических особенностей черепа и посткраниального скелета

Еще одной задачей стало восстановление прижизненного облика участников сражения, что стало возможным исключительно на материалах самого нижнего уровня захоронений, где краниальный скелет был представлен наиболее полно и не настолько поврежден, как в верхних и средних пластах. Тем не менее для выполнения графической реконструкции оказались пригодными только три черепа.

Следов горения на костных останках отмечено не было. В заполнении присутствовало небольшое количество угля, но оно связано, скорее, со слоем селищ Колоцкое 1 и Колоцкое 2. Не было также отмечено и следов извести, которую часто использовали в качестве дезинфекции при

совершении санитарных захоронений. Хорошая сохранность фрагментов одежды, а также обуви была обусловлена материковой основой, представленной плотным суглинком. Глинистые почвы известны своим консервирующим эффектом, который сказывается на сохранности органических материалов. Сохранность костного материала была различной и колебалась от хорошей (10–11 уровни) до неудовлетворительной (3–6 уровни). Это может быть объяснено отчасти тем, что погребение находилось непосредственно под дорожным покрытием подъездной дороги к зданию магазина (ныне частное владение), отчасти – стратегией захоронения и подзахоронения костных останков в яму. Так, согласно стратиграфической ситуации, можно выделить несколько этапов захоронения, в промежутках между которыми яма, по всей вероятности, оставалась открытой или лишь незначительно присыпалась грунтом.

В первичную атрибуцию антропологического материала вошел подсчет минимального числа индивидов, который производился по общепринятой методике, используемой в судебной медицине и при исследовании коллективных захоронений. Она основана на знании о скорости разложения различных частей человеческого тела и сохранности отдельных его элементов впоследствии. Так, наиболее сохранными в погребении из посткраниального скелета остаются плотные и прочные части длинных трубчатых костей – большеберцовой, малоберцовой и бедренной, а также кости стопы – пяточная и таранная, которые не только являются частью голеностопа с сильным связочным аппаратом, истлевающим практически в последнюю очередь, но и зачастую защищены обувью и лучше сохраняются.

В камеральных условиях кости из каждого слоя захоронения были разложены по квадратам и секторам, а также отделам скелетов. Подсчитано количество костей правой и левой стороны отдельно, суммарное количество по слоям и общее для всего комплекса. Наиболее представленным элементом стопы стала правая пяточная кость и левая бедренная разной степени сохранности. Предпочтение было отдано левым бедренным костям, позволяющим сделать заключение о возрастном составе погребенных. Общее число погребенных составило 102 человека (по левой бедренной кости). Учитывая размер ямы и знания анатомии, лишний раз можно подтвердить тот факт, что захоронение носило характер санитарного, так как физически в погребальное пространство такого размера указанное число тел поместиться не могло. Стоит отметить единовременное формирование нижнего слоя захоронения (уровень 11), которое содержало 25 человек, скорее всего, более-менее надлежащей

комплектности. К сожалению, выявить анатомический порядок не представилось возможным из-за раскопочных условий: участок был сильно обводнен, яма находилась в низкой точке участка, что не позволяло создать надлежащий дренаж. Тем не менее можно с уверенностью заключить, что два нижних уровня были сформированы практически единовременно.

Половозрастные определения показали преобладание мужчин активного возраста. В основном выборка представлена молодыми индивидами возрастного интервала 20–30 лет. Средний возраст смерти составил 27,8 лет.

Было зафиксировано большое число травматических повреждений – осколочные и пулевые ранения. Пулевые ранения были отмечены преимущественно на тазовых костях, лопатках и черепах, представлены как сквозными, так и несквозными. Кости длинных конечностей несли следы так называемых высокоэнергетических переломов вследствие повреждающего характера артиллерийского огня и выстрелов с близкого расстояния.

Длины бедренных костей составили от 422 до 508 мм. Реконструированный рост от 160 до 185 см.

Совершенно уникальной находкой стало обнаружение среди фрагментов скелетов следов хирургического вмешательства – ампутации нижних конечностей. Этот факт подтверждает предположение, что, располагаясь в непосредственной близости от Колоцкого монастыря, где после битвы находился французский госпиталь, захоронение содержало в себе останки не выживших после операций людей. Также в нижних слоях найдены фрагменты бедренной кости с осложненным переломом со следами заживления, фрагмент большеберцовой кости со следами воспаления. Учитывая, что эти находки обнаружились в нижних слоях ямы, то можно предположить изначальное формирование погребения в качестве регулярного госпитального и лишь впоследствии превращение его в санитарное.

В отечественной лечебной традиции ампутацию называли крайним средством, когда конечность сохранить не было никакой возможности, а ее оставление грозило бы жизни больному. Стратегия врачевания, которой придерживался Н.И. Пирогов даже в условиях военных действий, была направлена на сохранение конечностей. Иными были взгляды французских хирургов, которые предпочитали, во избежание заражения и появления вторичных инфекций, отсечь конечность. Также масштабность Бородинского сражения, большое количество ранений, нанесенных с близкого расстояния в результате артиллерийской

и ружейной атаки, отсутствие элементарных перевязочных средств, необходимость дальнейшей транспортировки раненых, не оставляло возможности придерживаться более камерной традиции длительного лечения. Известно свидетельство самого Д.Ж. Ларрея, главного хирурга наполеоновской армии, писавшего в своих воспоминаниях, что в первые 24 часа после битвы он сделал более 200 операций[1].

Нами было зафиксировано 11 случаев ампутации конечностей.

№ 1. Колоцкое 2016, траншея 1, отвал

Мужчина, возраст adultus II – maturus I.

Левая бедренная кость без нижней трети. В средней трети, в 11 см от трохантера, находится плоскость ампутационного распила перпендикулярно длине кости. На плоскости распила обнаруживаются нечеткие трассы, а в области задней поверхности имеется зона долома с дном распила в виде ровной площадки длиной 1,2 см, шириной 0,1 см. На передней поверхности кости, в 0,3–0,4 см от плоскости распила, параллельно ему, находятся запилы длиной 0,9 см и шириной 0,1 см; глубина запилов 0,08 см, дно ровное, профиль четкой П-образной формы.

№ 2. Колоцкое 2016, квадрат 10, сектор 3

Мужчина, 19–20 лет.

Верхняя треть правой большеберцовой кости, уплощена в переднезаднем направлении, отмечены следы прирастания эпифиза. Ампутационный спил находится в 10,4 см от нижнего края латерального мыщелка, перпендикулярно длине кости. Трассы на плоскости распила выражены нечетко, в области задней поверхности фиксируется площадка долома.

№ 3. Колоцкое 2016, квадрат 10, сектор 3, 10-й уровень зачистки

Мужчина, возраст adultus I – adultus II

Верхний эпифиз левой большеберцовой кости, спил располагается в 3,5 см от нижнего края латерального мыщелка, перпендикулярно длине кости. Трассы выражены нечетко, небольшая площадка долома.

№ 4. Колоцкое 2016, квадрат 10, сектор 2, 11-й уровень зачистки

Мужчина, возраст adultus I – adultus II

Верхняя треть правой большеберцовой кости. Ампутационный спил находится в 9 см от нижнего края латерального мыщелка. Линия распила идет спереди назад и сверху вниз, плоскость распила ровная, с выраженными трассами. В области сохранившейся кости (задняя

часть) с дефектами костной ткани – эрозией. Трассы следуют параллельно латеральной плоскости на передней поверхности в области гребня. В 0,4 см от плоскости распила присутствует запил длиной 0,9 см и шириной 0,09 см, глубина запила составляет 0,02 см, его дно ровное, П-образной формы.

№ 5. Колоцкое 2016, 11-й уровень зачистки

Мужчина, возраст adultus II – maturus I

Верхняя треть правой бедренной кости, спил располагается в 12,6 см от трохантера. На передней и медиальной поверхностях кости на протяжении 1 см от края распила обнаружены многочисленные тонкие линейные насечки от действия режущего предмета. Насечки прямолинейны, длиной до 1,4 см, глубиной менее 0,01 см. Плоскость распила располагается перпендикулярно длине кости. На плоскости распила обнаруживаются выраженные трассы, а в области задней поверхности имеется зона долома.

№ 6. Колоцкое 2016, 11-й уровень зачистки

Мужчина, возраст adultus II – maturus I

Верхняя и средняя треть правой бедренной кости, спил располагается в 20,6 см от трохантера. На передней поверхности находятся многочисленные посмертные разрушения. На плоскости распила обнаруживаются нечеткие трассы, а в области задней поверхности имеется зона долома.

№ 7. Колоцкое 2016, 11-й уровень зачистки

Мужчина, возраст adultus

Фрагмент верхней трети правой большеберцовой кости, ампутационный спил находится в 9,2 см от нижнего края латерального мыщелка. На передней и медиальной поверхностях кости на протяжении 0,7 см от края распила обнаружены многочисленные тонкие линейные насечки от действия режущего предмета. Насечки прямолинейны, длиной до 1 см, глубиной менее 0,01 см, трассы нечетки.

№ 8. Колоцкое 2016, квадрат 11, 11-й уровень зачистки

Мужчина (?),возраст adultus

Верхний эпифиз малоберцовой кости, спил в 2,9 см от фасетки сустава, трассы на его поверхности достаточно четкие.

№9. Колоцкое 2016, квадрат 10, сектор 2, 9-й уровень зачистки
Мужчина (?),возраст adultus

Фрагмент верхней трети малоберцовой кости (сторона?). Плоскость распила располагается перпендикулярно длине кости. Имеется область долома.

№10. Колоцкое 2016, квадрат 10, сектор 2, 9-й уровень зачистки
Мужчина, возраст adultus II – maturus I

Диафиз левой бедренной кости, спил находится в 22 см от трохантера**.** На передней поверхности кости фиксируются многочисленные посмертные разрушения. На плоскости спила видны ярко выраженные трассы.

№11. Колоцкое 2016, квадрат 10, сектор 2, 11-й уровень зачистки
Мужчина, возраст maturus I

Верхняя треть левой бедренной кости, на передней поверхности ярко выражен гребень прикрепления мышц, диаметр головки 53 мм, спил располагается в 2 см от трохантера. Плохая сохранность зоны ампутационного спила.

Все распилы произведены преимущественно с передней поверхности. В двух случаях (№ 1 и № 4) около ампутационного спила имеются запилы неоконченной операции. Дно запилов ровное, П-образной формы и позволяет нам судить о толщине полотна, которое составило 0,09 см. В двух случаях (№ 7 и № 5) около спила имеются тонкие, едва различимые параллельные насечки. Эти следы нам говорят о технологии проведения операции и последовательности совершаемых хирургом действий. Операция была невозможна без помощников и проводилась в несколько этапов. После того как разрезались кожные покровы и мышцы, их оттягивали вверх, обнажая кость, подвергаемую ампутации. Линию, на которую становилась пила, предварительно очерчивали бистуреем, скальпелем или межкостным ножом с целью обрезать на кости оставшиеся мышечные волокна и надкостную плеву, которые при их ранении пилой могли стать источником сильной боли или же служить источником для развития столбняка или иных инфекционных процессов. Эту линию, как правило, расширяли на 3–4 дюйма вверх и вниз[2].

Ни в одном из случаев следов заживления обнаружено не было. Локализация проведения операции была традиционна, только в двух случаях плоскость спила располагалась достаточно высоко к верхнему эпифизу, что, скорее всего, было обусловлено характером ранения.

21–22 августа 1812 г. на территории Колоцкого монастыря располагался штаб Главнокомандующего русских войск М.И. Кутузова, после отступления русских войск – ставка Наполеона, а также организован госпиталь для раненых. «Еще далее, почти на краю горизонта, за двумя округленными холмами, рисуются колокольни Колоцкого монастыря, где Наполеон учредил подвижной госпиталь со всеми снадобьями для больных и раненых. Перенесите теперь то, что мы видели и записали, перенесите с бумаги на холст, размалюйте ваши смелые очерки широкою кистью – и вы будете иметь ряд картин, соответственных ряду моментов Бородинской битвы…»[3] – пишет в своих воспоминаниях Ф.Н. Глинка.

Так основным местом концентрации раненных после Бородинского сражения стал Колоцкий монастырь, в котором их скопилось более 10 тыс. человек[4]. Капитан 30-го линейного французского полка Ш. Франсуа отмечал, что через неделю после битвы ¾ этих раненых были уже мертвы. Мертвые, умирающие и страдающие люди столь густо заполонили его строения, что для того, чтобы пройти в нем по лестнице, надо было перешагивать через лежащие на каждой ступеньке тела. Все они были оставлены «без медикаментов, пищи и какой-либо помощи».

Комендантом в монастыре был назначен офицер Главной квартиры аджюдан-коммандан Симонен. Охранять госпиталь назначили вестфальский 7-й пехотный полк. После того как все солдаты умерли от тифа эту задачу возложили на вестфальских гвардейских улан, которые по большей части разделили участь своих предшественников. Тиф погубил похоронную команду, тела стали складывать у воротах обители, чтобы попасть в монастырь, приходилось перелезать через них или протискиваться[5].

В ходе отступления Великой армии из Москвы свидетели назвали Колоцкий монастырь не чем иным, «как огромным кладбищем», где уже не было раненых и больных, только мертвые.

Уборка тел была организована можайскими властями только к последней декаде октября 1812 г. и продолжалась вплоть до мая 1813 г., проходила в несколько этапов и была организована по так называемым дистанциям. Тела людей и лошадей сжигали и закапывали. Точной карты мест захоронения на сегодняшний день не существует. К 100-летию битвы оставалось видными не более десятка могильных холмов, а к середине XX в. их осталось только три[6]. Предполагаемые могилы находятся на всех участках боевых действий. Согласно оценкам, число погребенных могло достигать 48–50 тыс. человек[7]. Окрестности Колоцкого монастыря были сопряжены с III дистанцией для уборки тел и падалей,

простиравшейся от «с. Бородино до д. Горки к д. Семеновской, Утица, с. Ельня с принадлежащими дачами и полями», т.е. все южное пространство от Колочи до Старой Смоленской дороги[8]. Эта дистанция была самой трудной, и уборка производилась до 27 апреля 1813 г. Так как в 1812 г. Колоцкий монастырь находился на территории Смоленской губернии, аналогичные мероприятия были устроены и в этом районе, но, к сожалению, специальных архивных изысканий на эту тему не производилось.

Археологическими исследованиями на Бородинском поле были затронуты единичные погребальные объекты. В 2009–2011 гг. проводились охранные раскопки, связанные с восстановлением усадьбы А. Бегичевой и Императорского дворца. В результате было найдено санитарное захоронение в яме усадебного амбара (яма 44, раскоп «усадьба»). Оно содержало останки 11 человек, 37 лошадей, четырех коров[9]. Что касается останков людей, они не несли сильных следов деструкции, располагались в анатомическом порядке, т.е. были захоронены на протяжении непродолжительного времени после битвы, когда диагенетические процессы еще не затронули мягкие ткани. Второй раскоп (раскоп «мойка») представлял собой яму погреба и содержал останки еще трех человек. Один человек со следами сквозного огнестрельного ранения в голову находился в анатомически верном положении, двое мужчин – в нарушенном, в сочленении располагались исключительно кости стоп и голени. В заполнении погребений обнаружены пуговицы 106-го и 20-го французских полков[10]. Тот факт, что и комплектные, и разрозненные захоронения располагались на одном стратиграфическом уровне, говорит в пользу гипотезы о времени совершения погребения. Вероятно, оно было сделано уже в период кампании по уборке тел, когда целостность трупов была нарушена. Индивид, который располагался в анатомически верном положении мог иметь косвенное отношение к жертвам битвы, так как обнаруживал следы целенаправленного убийства, совершенного из двух видов оружия.

В 2013 г. небольшие работы проведены на братской могиле № 2 в Утицком лесу для подтверждения наличия захоронения. Была вскрыта южная четверть могильной насыпи, под которой был обнаружен край заглубленного в материк объекта. Слой насыщен человеческими и лошадиными останками, часть из которых лежала в анатомическом порядке. В процессе раскопок собрана коллекция артефактов 1812 г., насчитывающая 17 предметов: 12 гладких русских мундирных пуговиц, крючки-невидимки, ухналь, квадратная гайка[11].

Обнаружение санитарного захоронения у Колоцкого монастыря в этом плане стало уникальной и незапланированной находкой. Более того, в ходе исследования стало понятно, что погребение является не просто санитарным, а было организовано в целях захоронения умерших от ран в госпитале Колоцкого монастыря. Костные останки несут следы ампутаций конечностей и множественных ранений. По количеству найденных следов хирургических вмешательств оно встает в один ряд с таким массовым захоронением, как коллективное погребение участников наполеоновской войны в г. Калининграде, раскопанным в 2006 г. сотрудниками ИА РАН и исследованным в рамках совместного русско-французского антропологического проекта[12]. Это было самое многочисленное захоронение из обнаруженных на территории нашей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Memoirs de chirurgie militaire, et campagnes du baron D.J. Larrey. P., 1817. T. IV. P. 57–62.

[2] Об ампутациях членов и резекциях костей // Воен.-мед. журн. СПб., 1855. № 33. Т. LXV.

[3] *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год. М.; 1870.

[4] *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 111.

[5] *Ваксмут И.* История моего плена в России в 1812–1813 гг. // Вокруг света. 1912. № 32. С. 503.

[6] См.: *Суханов А.А.* Отчеты можайских властей о захоронении на Бородинском поле в 1812–1813 гг. тел павших воинов // Бородинское поле: музей и памятник: К 165-летию основания Бородинского музея-заповедника: Сб. науч. исследований / Сост. А.В. Горбунов. М.: Полиграф сервис, 2005.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] *Спасская Н.Н., Янишевский Б.Е.* Лошади из санитарного захоронения 1812 г. в селе Бородино: идентификация пород // Зоол. журн. 2013. Т. 92. № 9. С. 1162–1178.

[10] *Шведчикова Т.Ю.* О факторах сохранности костной ткани в погребениях // Краткие сообщения института археологии. 2014. Вып. 236. С. 320–323.

[11] *Гоняный М.И.* Отчет о результатах разведочных археологических исследований, нацеленных на поиск братских погребений 1812 г., расположенных на

Бородинском поле в Можайском районе Московской области в 2013 г. М.: ИА РАН, 2014. Архив ИА РАН.

[12] The discovery of the mass grave of Napoleon's Great Army in Kaliningrad (formerly Koenigsberg), Russian Federation: preliminary results and interpretations // Vers une antropologie des catastrophes: Actes des 9e journèes d'antropologie de Valbonne. Antibes, 2008. P. 375–383.